

DOI 10.23683/2415-8852-2019-2-7-16

**«КИБОРГИ – ЭТО СОВРЕМЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
ТАКИХ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ФИГУР В ЛИТЕРАТУРЕ,
КАК АНГЕЛЫ, МОНСТРЫ И БОГИ...»**

Ник Бентли – преподаватель Университета Кила (Великобритания), один из ведущих британских исследователей современной литературы и культуры, автор пяти монографий, среди которых “Contemporary British Fiction” (2019), активный участник крупных исследовательских проектов, посвященных изучению карты современной культуры, член редколлегии журнала “Critical Engagements: A Journal of Criticism and Theory”, член-основатель и казначей Literary London Society, член-основатель The Northern Comparative Literature Network.

В этом номере Ник Бентли говорит о новых средах, меняющих героя современной научной фантастики, о симбиозе науки и литературы, о тревожных и оптимистичных взглядах интеллектуалов на постчеловечность. Беседовала Ольга Джумайло. Перевод Екатерины Мартыненко.

Что мыслится под средой в современной художественной литературе? Насколько новейшие научные подходы (энвайронменталистские, эволюционные, экокритические, когнитивные исследования и пр.) расширяют канон научной фантастики?

Сегодня не только естественная, но и информационная, научная, интеллектуальная среды меняют человека, да и сам дискурс о человеке. Если в своей знаменитой Кембриджской лекции 1959 года Ч.П. Сноу указал на разрыв между гуманитарными и естественными науками, назвав их «двумя культурами», которые последовали по совершенно разным путям развития, то теперь диалог между ними ни на секунду не прекращается. Более того, научная проблематика стала ведущим трендом художественной культуры, ориентированной на самые разные аудитории. Любопытно, что именно роман стал той культурной средой, в которой диалог между гуманитарными и естественными науками оказался наиболее плодотворным. Совершенно очевидно, что за последние тридцать лет также произошла серьезная ревизия взглядов «высоколобых» критиков на роль научной фантастики, ведущая к ее непредвзятому пониманию. Оказалось, что научная фантастика – пожалуй, самый

главный полигон для исследования влияния изменения среды – далеко не однородна. Критики выделяют так называемую «мягкую» (soft) и «твердую» (hard) научную фантастику. «Твердый» вариант, как правило, делает упор на достижения естественных и точных наук, обращается к серьезным научным теориям и гипотезам. Именно они выступают в качестве фундамента концепции художественного произведения. Дэвид М. Хиггинс и Роби Дункан даже определяют «жесткую» научную фантастику как тщательно продуманную художественную экстраполяцию знаний и принципов физики, астрономии, химии, инженерии и биологии.

Неужели soft-версия, по аналогии с soft sciences, ориентирована на гуманитариев?

Скорее на гуманитарную проблематику. «Мягкая» научная фантастика не стремится к доскональному воспроизведению существующих теорий точных и естественных наук и ориентирована на повестку социальных и гуманитарных дисциплин, например, биоэтики. В ней футуристические и гипотетические формы повествования используются для рассмотрения этических, культурных и политических противоречий современного общества. Каноническими образцами художественной прозы такого типа можно считать знаменитые романы

«Франкенштейн» (“Frankenstein”, 1816) Мэри Шелли, «О дивный новый мир» (“Brave New World”, 1932) Олдоса Хаксли и «451 градус по Фаренгейту» (“Fahrenheit 451”, 1951) Рэя Брэдбери. Бестселлеры интеллектуальной литературы сегодня – «Суббота» (“Saturday”, 2005) Иэна Макьюэна и «Не оставляй меня» (“Never Let Me Go”, 2005) Кадзуо Исигуро – также используют научный контекст в качестве основы для повествования и могут быть названы «мягкой» научной фантастикой. Оба романа – довольно интересные примеры современной художественной литературы, в которой не утихают споры по поводу этики биотехнологий.

Насколько успевают романисты не только экстраполировать, но и открыто полемизировать с идеями, возникающими в точных и естественных науках с такой невероятной скоростью?

Сегодня многие достижения в медицине, биотехнологии и квантовой механике привели к разработке идей, которые могут показаться невероятными даже самым изобретательным писателям-фантастам: теория струн и множественных вселенных, геномные технологии, клонирование чело-века, придание искусственному интеллекту физических качеств человека и характеристик его сознания. В результате

стало практически невозможно отделить научный факт от научной фантастики. Причем это работает в обе стороны. Популяризаторы науки черпают вдохновение в литературных формах повествования и подбирают метафоры, чтобы объяснить сложные понятия уже довольно информированной аудитории. Патрисия Во как-то отметила, что в 1980–1990-х годах ученые начали подражать писателям, создавая увлекательные истории с закрученным сюжетом и таинственными героями, чтобы их читатели почувствовали себя так, будто попали в дивный новый мир.

Экологическая и энвайронменталистская проблематика в современной литературе часто монтируется с жанром дистопии. Всегда ли читатель способен опознать тревожный контекст данных романов-предупреждений?

Зачастую в таких произведениях именно хорошо знакомый политический или экономический контекст играет важнейшую роль и облегчает понимание всей концепции. Эта группа текстов выступает как литература, предупреждающая о последствиях глобальной экономики и о катастрофическом эффекте климатических изменений. Постапокалиптическое повествование часто буквально иллюстрирует острые вопросы

экокритики и обращается к сценариям «мягкой» научной фантастики.

Безусловно, постапокалиптические сюжеты имеют давнюю историю в художественной литературе, но в последние несколько лет мы видим изменение в понимании причин негативных тенденций развития общества: от экономических, идеологических и / или религиозных в сторону обеспокоенности воздействием технологий. Среди популярных британских романов, в которых современная озабоченность по поводу (био)-технологического прогресса проецируются на будущие общества, «Смелая, как любовь: фантазия ближайшего будущего» Гвинет Джонс (“Bold as Love: A Near Future Fantasy”, 2001), «Книга Дэйва» Уилла Селфа (“The Book of Dave: A Revelation of the Recent Past and the Distant Future”, 2006), «Наводнение» Стивена Бакстера (“Flood”, 2008) и «Рельсы» Чайны Мьевиля (“Railsea”, 2013).

Вы упомянули Макьюэна, Исигуро, Селфа, писателей, небезразличных к проблематике психологической, связанной с поисками идентичности. Судя по современным качественным научно-фантастическим сериалам британского производства, например нашумевшему «Черному зеркалу», психологические, физиологические и когнитивные аспекты сегодня не уступают социальным,

этическим и идеологическим. Отчего такой «крупный план»?

Научная фантастика в русле психоанализа и сопутствующей ему эстетике сюрреализма – довольно заметное направление современной качественной романистики уже с конца 1960-х годов. В этой связи особого упоминания заслуживают три британских писателя: Дорис Лессинг, Джеймс Баллард и Анжела Картер. На протяжении 1970-х годов будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Дорис Лессинг, к большому огорчению некоторых критиков, начала исследовать возможности научной фантастики в изучении «других миров» человеческой психики и их эволюции. В своих работах, таких как «Инструктаж перед спуском в ад» («Briefing for a Descent into Hell», 1971), «Воспоминания выжившей» («The Memoirs of a Survivor», 1974) и серии научно-фантастических романов «Канопус в Аргосе» («Canopus in Argos», 1979–1983), она развивала то, что назвала «прозой внутреннего космоса». Джеймс Баллард также обращается к жанру научной фантастики для рассмотрения тех сдвигов, которые происходят в психике человека в условиях стремительно меняющегося мира. В «Выставке жестокости» («The Atrocity Exhibition», 1970), «Автокатастрофе» («Crash», 1973), «Людах Миллениума» («Millennium People», 2003) и «Царстве божием» («Kingdome Come», 2006) он размышляет

над все возрастающим напряжением между человеком и технократической средой. Пожалуй, наиболее точно творчество Балларда резюмирует заголовок сборника его коротких рассказов, опубликованных в 1982 году, «Мифы ближайшего будущего» («Myths of the Near Future»), столь похожи его сюжеты на нашу современность. Апокалипсическое будущее нашумевшего романа Анжелы Картер «Страсть новой Евы» («The Passion of New Eve», 1977) высвечивает вопросы радикальной гендерной и расовой политики. Джанет Уинтерсон также прибегает к этой жанровой форме с целью исследования новых вариантов будущего в вопросах пола, сексуального и телесного самовыражения. Например, в романе «Книга Силы» («The PowerBook», 2000) центральное место занимают передовые компьютерные технологии и интернет, что позволяет писательнице поднять вопрос о том, как человеческие идентичности реагируют на новые платформы социальной коммуникации и виртуальную реальность.

Говоря о теле и его изменениях в цифровую эпоху, психологи и физиологи все чаще обращают внимание и на неизбежные изменения в процессах сознания и памяти, осмысления себя в пространстве и времени. Какие формы принимает фантастическое художественное воображение о теле?

Самые разнообразные. Удивительно, однако, как история и сознание продолжают цепляться за плоть и как самое усовершенствованное тело продолжает пропускать через себя «бытие и время». Само понятие человеческого времени и человеческой истории потенциально находится под угрозой: беспокойство по этому поводу легко найти во многих произведениях литературы киберпанка. Пересечение прошлого и будущего как способ понимания тревог настоящего легко обнаружить и в жанре стимпанк, который сочетает в себе фантастические футуристические элементы и альтернативное прошлое или будущее, где технологии получили другое развитие. Неудивительно, что литература стимпанка тесно связана с другими формами медиа, особенно кино, телевидением и графическим романом – одним из таких примеров, привлечшим особое внимание критиков, явилась «Лига выдающихся джентльменов» Алана Мура («League of Extraordinary Gentlemen», 1999).

Post-human / in-human / non-human – эти новые термины возникли в том числе и как результат размышлений над научно-фантастическими образами, однако оценка их весьма разнится, почему?

Исследования постчеловечности – активное развивающееся междисциплинарное поле

с постоянно меняющейся нюансировкой терминологии. Могу сказать, что в самой художественной практике темы, связанные с постчеловечностью, как правило, выступают в двух сюжетных конфигурациях. К первой относится постапокалиптическое повествование, в котором развивается сюжет возрождения человечества после разрушительной природной или военной катастрофы. В произведениях второго типа рассматриваются изменения самой природы человека под воздействием быстро развивающихся технологий. Значимой становится фигура киборга, особенно для жанров литературы киберпанка, возникшей в последней четверти XX века. К слову, художественная проза уже давно исследует природу человека в сравнении с человекоподобными существами. Это нередко становится центральным аспектом литературного произведения: во многих смыслах киборга можно рассматривать как современное воплощение таких нечеловеческих фигур в литературе, как ангелы, монстры, боги и ряд других сверхъестественных существ. Все они нужны как повод для рефлексии о самой концепции человека.

Киборг, кстати, фигурирует в качестве отдельной словарной статьи в авторитетном издании SAGE «Ключевые понятия современно-

сти» (“Key Contemporary Concepts”, 2003) под редакцией Джона Лехте...

Вот, пожалуй, тот случай, когда нашумевшая научная работа формирует активный словарь культуры. Уверен, что в издании изложена концепция Донны Харауэй «Манифест Киборга: наука, технологии и социал-феминизм в конце двадцатого века» (“A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century”, 1985). Она исследует политические контексты, оказавшие влияние на прозу, в которой «другие» выступают как зеркало человечества. Харауэй не желает верить в того киборга, которого проецирует популярная культура, она указывает на опасное нарушение границ и культурных ценностей, предупреждает о тревожных перспективах развития цивилизации, на которые прогрессивная общественность могла бы обратить внимание.

Эссе Харауэй было впервые напечатано в 1985 году, что совпало с новой мощной научно-фантастической волной, в которой также рассматривались политические вопросы, связанные с фигурой киборга. Этот процесс перекликался со становлением жанра киберпанк в творчестве таких писателей, как Уильям Гибсон, Нил Стивенсон и Брюс Стерлинг. На них, в свою очередь, повлияли яркие ревизионистские (хотя и куда более политически амбивалентные)

работы предыдущего поколения писателей-фантастов – Филипа К. Дика, Курта Воннегута и Роджера Желязны. Циркуляции идей и образов в современной культуре способствовали популярные научно-фантастические фильмы и киноадаптации, которые оказали огромное влияние на молодых писателей по обе стороны Атлантики в 1990-х и в новом тысячелетии. Кто не помнит фильм «Бегущий по лезвию» (“Bladerunner”, 1982), основанный на романе Филипа Дика «Снятся ли андроидом электроовцы?» (“Do Androids Dream of Electric Sheep?”, 1968)? Всем известны другие культовые киноадаптации произведений этого автора – «Вспомнить все» (“Total Recall”, 1991) и «Особое мнение» (“Minority Report”, 2002), а также снятый по рассказу Уильяма Гибсона в 1981 году «Джонни Мнемоник» (“Johnny Mnemonic”, 1995). Но, возможно, именно «Матрица» (“The Matrix”, 1999) более, чем какой-либо другой фильм, знаменует момент, когда киберпанк становится сверхпопулярным трендом. Хотя «Матрица» – авторский фильм Ларри (Ланы) и Энди (Лилли) Вачовски, его атмосфера во многом заимствована из «Нейроманта» (“Neuromancer”, 1984) Гибсона. В Великобритании близкие темы, связанные с постчеловечностью, развивали такие писатели-фантасты, как Гвинет Джонс, Джеймс Лавгроув, Кен Маклеод и позднее Чайна Мьевиль, Джюстина Робсон и Адам

Робертс. Особенно плодovit Мьевиль. В целом ряде научно-фантастических и романов киберпанка он исследует маргинальное положение киборга.

Неужели все сценарии постепенного исчезновения человека сугубо негативны? Даже в горьком и ироничном замысле «Элементарных частиц» Мишеля Уэльбека клоны оказываются гораздо счастливее людей.

Вот и Роза Брайдотти, например, высказала мнение о том, что постчеловечность помогает осмыслить те множественные идентичности, которые мы примеряем на себя в современном обществе. Вместо того чтобы быть исключительно поводом для беспокойства, сама идея постчеловечности дает возможность расширения прав и возможностей «Я», поиска альтернативных способов мышления и саморепрезентации. Как она пишет во введении к своей книге «Постчеловечность» (“The Posthuman”, 2013), постчеловечность побуждает нас к творческой рефлексии о том, кем на самом деле мы являемся в процессе эволюции. Брайдотти выступает с позиции критика просвещенческой гуманистической модели, в которой антропоцентризм дополняется патриархальной культурой, ориентированной на европейскую цивилизацию. Ее позиция легко накладывается

на современную художественную литературу как культурную среду, которая позволяет представить, драматизировать и таким образом расширить наши способы взаимодействия с новыми идентичностями.

Можно ли считать, что научная фантастика нашего времени стремится буквально воплотить новые идентичности, дать им голос и найти новые нарративные модели будущего?

Да, этот нарративный проект известный исследователь постмодернизма Брайан Макхейл назвал «онтологическим жанром *par excellence*». Любопытно и то, что все чаще речь идет о продуктивном симбиозе между

людьми и искусственным интеллектом. И это, как показывает, Кэтрин Хэйлз, теоретик культуры, исследующий литературные репрезентации постчеловечности, уже стало реальностью, например, при использовании компьютерных технологий в хирургии. Разумные машины могут и вовсе заменить человека (как, например, в Японии и Америке, где в сборочных цехах трудятся роботизированные руки). И все же страх перед машинной цивилизацией, не исчезая полностью, подталкивает к уточнению и пересмотру условий «сотрудничества» людей с разумными машинами. Иными словами, постчеловечность не должна толковаться ни в духе либерального гуманизма, ни как анти-человечность.

Nick Bentley is a researcher and lecturer at Keele University (UK), one of the UK's leading scholars of contemporary literature and culture, an author of five books, including "Contemporary British Fiction" (2019), an active participant in major research projects devoted to the study of the map of modern culture, a member of Editorial Board of the journal *Critical Engagements: A Journal of Criticism and Theory*, a member and Treasurer of the *Literary London Society*, a member of *The Northern Comparative Literature Network*.

In this issue, Nick Bentley talks about new environments that are changing the human in contemporary science fiction, explores the symbiosis of science and literature, and comments on intellectual discussion on post-humanity. Interview by Olga Dzhumaylo. Translation into Russian by Ekaterina Martynenko.

